

Н.О. Белоусова

ПРОБЛЕМА ПОРАБОЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА «ВСЕОБЩИМ» В ЖАНРЕ АНТИУТОПИИ

Аннотация. Объектом исследования данной статьи является проблема соотношения всеобщего и индивидуального на примере литературных романов в жанре антиутопии, возникшей в рамках культуры модерна. Особое внимание автором уделяется преломлению указанной темы через проблему противоречивости общественного прогресса, наблюдаемому практически во всех антиутопиях. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как отрицание личности и свободы, индивидуальности и независимости при подчинении возведённому на уровень сакрального «Всеобщему». Подчёркивается однообразие систем запретов в антиутопиях, а также в мирах, созданных ими. Работая в русле философско-культурологических исследований, автор опирается на деятельностный подход к культуре, позволяющий выявить способы, какими идея уникального утверждала себя, в частности, в сфере художественной культуры.

Основными выводами проведённого исследования являются идеи, что социальное счастье и общество «всеобщего благоденствия» в реальности антиутопии достигаются путём деиндивидуализации личности, сведения её к атому, «винтику» массового организма социума. Автор показывает, что отсутствие социальной гармонии, перекося её функционирования в сторону «всеобщего» в ущерб индивидуальному порождает в антиутопиях сопротивление как «бунт одиночки», ведущее к поражению в различных своих формах.

Ключевые слова: индивидуализация, антропологическая катастрофа, деперсонификация, свобода, антиутопия, индивидуальность, всеобщность, унификация, тотальность, социальная гармония.

Abstract. The object of this article is the problem of correlation between universal and individual on the example of dystopian novels emerged within the framework of cultural modernity. Special attention is given to the interpretation of the stated topic through the problem of controversy of the social progress, which is evident in almost all dystopias. The author thoroughly examines such aspects of the topic as rejection of identity and freedom, individuality and independence, in subordination to the sacral "Universal". The main conclusions of the conducted research consist in the ideas that social happiness and welfare society within the reality of dystopia is achieved via deindividuation of identity, and devaluing it to atom, just a "bolt" in the mass social organism. The author demonstrates that the absence of social harmony, its tilt towards "universal" to the detriment of individual, originates in dystopias antagonism as a "revolt of an individual" leading to destruction in its various forms.

Key words: Individualization, Anthropological catastrophe, Depersonification, Freedom, Dystopia, Individuality, Universality, Unification, Totality, Social harmony.

Путь к идеалу всегда ведёт через
колючую проволоку.

(Карл Поппер)

В середине XX в. осмысление проблем соотношения индивидуального и всеобщего приобретает не только теоретическую, но и практическую актуальность. В рамках модерна появляется своеобразный художественный жанр, осмысливающий возможные варианты воплощения идеологических общественно-государственных структур в социальную реальность. При этом рассмотрение футурологических проектов происходит с позиций «пессимистических» прогнозов. В «Послесловии» к роману «1984» Дж. Оруэлла, Эрих Фромм писал:

«Надежда на индивидуальное и социальное совершенство человека, которая в философском и антропологическом плане была отчётливо выражена в сочинениях философов Просвещения и социалистических мыслителей XIX века, оставалась неизменной вплоть до конца первой мировой войны... Война ознаменовала начало процесса, которому предстояло в сравнительно короткое время привести к разрушению двухтысячелетней западной традиции надежды и трансформировать её в состояние отчаяния» [1, p. 258-259].

Определяя жанровое своеобразие антиутопии, можно сказать, что это своеобразная «демонстрация практической реализации утопических проектов, указывающая не только на их многочисленные недо-

статки и недоработки, но и на коренным образом противоречащие человеческой свободе фундаментальные установки подобных конструкций» [2, с. 136].

В антиутопии изображается общество, в котором человеку приходится платить, словами экзистенциализма, суровую плату за технические и цивилизационные удобства – плату потери устремленности человека «быть человеком». Онтологическая потребность быть, осуществляться, становиться истинно человеческим существом не просто не актуализирована в антиутопических проектах, а является преступной по отношению к возведённому на уровень сакрального «Всеобщему». Это, в свою очередь, ведёт к тому, что человек не переживает своего «второго рождения» как социального существа, осмысляющего своё бытие и свою уникальность. Человек низводится до своей биологической сущности, определяется как атом социального организма, «человек массы» [3]. В этом смысле практически все антиутопии ставят проблему противоречивости общественного прогресса. Цивилизационный скачок, торжество научно-технического гения человека сопровождается обратной эволюцией его, возвращением к первобытно-животному, с точки зрения духовности, состоянию. Жёсткие рамки, не оставляющие свободы выбора, свободы поступка, свободы самоопределения детерминируют жизнь, упраздняют интеллектуальную потребность. «Антропологическая катастрофа» (М.К. Мамардашвили) выражается не только в отсутствии возможности для становления человеческой самости, но и в отсутствии самой потребности в выделении себя из толпы, из общей массы, формирующей человека «под копирку».

Ужас, страх и актуальность антиутопий определяются тем, что XX век породил множество попыток исторической реализации подобных проектов торжества «всеобщего». Фашистский режим (Иньяцио Силоне, один из первых и довольно известных исследователей тоталитаризма, писал, что каждый, входя в концлагерь, вглядываясь в эти прямые линии, в эту чёткость, рациональную продуманность, узнаёт в них утопический проект – то, о чём мечтали кампанеллы всех времён и народов [4, с. 112]), тоталитарные общества – не только свершённые историей варианты развития, но и проекты до сих пор реализуемые, пусть и в локальном варианте.

Анализируя главную проблему, поставленную авторами антиутопий, Э. Фромм сформулировал её так: «...Может ли человеческое естество быть изменено настолько, что человек забудет о своём стремлении к свободе, достоинству, честности, любви – словом, может ли человек забыть о том, что он человек?» [5]. Антиутопические произведе-

ния и иллюстрируют нам катастрофическую реалистичность подобного исхода событий.

Обезличиванию человека способствуют многообразные запреты, регламенты и табу, выработанные общественным механизмом в ходе эволюционной борьбы с единичностью и уникальностью. Соблюдение правил неукоснительно, доведено до автоматизма. Социальный контроль отлажен на протяжении длительной истории «прогресса». Пожарные («451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери), главные управители («О дивный новый мир» О. Хаксли), хранители («Мы» Е.И. Замятина) смогли создать в своих государствах тотальный контроль над личностью во имя торжества всеобщего и индивидуального. Многообразие антиутопий, а также и миров, созданных ими, тем не менее, весьма однообразно в системе запретов. Табуируются человеческие чувства и привязанности, стремление к уникальности и своеобразию. Запреты строго выверены и продуманы, научно или социально обоснованы. Да и сама техника, научное творчество строго регламентированы. По словам Главного управителя Мустафы Монда из романа О. Хаксли «О дивный новый мир», «...наука – нечто вроде поваренной книги, причём правоверную теорию варки никому не позволено брать под сомнение и к перечню кулинарных рецептов нельзя ничего добавлять иначе, как по особому разрешению главного повара» [6, с. 198]. В антиутопиях властвует прикладная наука, фундаментальные же знания, требующие развитого интеллекта, способности к рефлексии отвергаются и табуируются. Отсюда явная догматизация знания, а порой и его сакрализация. Наука в антиутопиях перестаёт быть наукой, она – обслуживающая служанка идеологии, лишённая своего рационального зерна. «Триумф машинного порядка и контроля над человеком, показанный антиутопией, является предупреждением для общества, теряющего из поля зрения человека как венца природы и цель общественного развития» [7, с. 260]. Мало того, технический прогресс убивает царственность человека, превращая людей в оступевших полуроботов («О дивный новый мир» О. Хаксли) или животное стадо («Машина времени» Г. Уэллса).

Однако, несмотря на развитую систему запретов, в обществах антиутопий создаётся иллюзия счастья, которую не омрачают возможность смерти, отсутствие любви и привязанности, материнства. Это возможно благодаря прямому воздействию идеологии на сознание человека. Не только страх, но и искренняя вера являются основой тотальной несвободы. Рабское состояние воспринимается как норма и даже, более того, идеальная форма существования человека. Свет становится

губительным для мерлоков («Машина времени» Г. Уэллса), одежда цвета «хаки» единственно прекрасной для эпсилонков («О дивный новый мир» О. Хаксли). Даже люди, живущие в полностью тоталитарном государстве Океания, показанном в романе «1984» Дж. Оруэлла, в большинстве своём искренне это государство любят. Пространство человеческой жизни заполняется иллюзией выбора, социальная действительность облекает человека в условия, когда нет возможности, опыта и желания принимать решения самостоятельно.

Прямым выражением сознания является язык, именно через него и осуществляется воздействие на человеческое сознание. Так, для формирования тотального контроля в Океании («1984» Дж. Оруэлла) создаётся специально разработанный новояз, с целью сужения горизонта мысли. Сознание жителей Дивного мира О. Хаксли заполнено бессознательно заученными в детстве в период сна фразами, формирующими «должное» поведение в обществе. Гипнопедическая технология формирует главный урок: «Каждый существует для всех». «Идеальный порядок, к которому стремится человек в своём историческом развитии, превращается в бесчеловечный кошмар, подавляющий гуманистический идеал – образ справедливого и счастливого общества» [7, с. 260].

Языковое формирование «атомарной личности» приводит к искажению коммуникации. Кларисса Маклеллан, героиня романа Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» утверждает, что люди вокруг неё ни о чём не говорят. Они «сыплют названиями – марки автомобилей, моды, плавательные бассейны и ко всему прибавляют: «Как шикарно!» Все они твердят одно и то же» [8, с. 32]. Лишённым прилагательных и абстрактных понятий предстаёт язык жителей будущего в произведении «Машина времени» Г. Уэллса. Мышление главного героя Д-503 из романа «Мы» Е.И. Замятина полностью предопределено языком классической научной рациональности, через призму которого он смотрит на мир. «В свою очередь, классическая наука предполагает детерминизм, чёткость и однозначность. Однако ни мир, ни сам человек не укладываются в эту схему и не являются предзаданными и гарантированными. Поэтому, например, Д-503 просто не в состоянии увидеть красоту живой природы, воспринимая её как нечто уродливое и неупорядоченное. Душа же в рамках такого мировоззрения вообще воспринимается как болезнь» [9, с. 46].

Человек теряет в «идеальных» обществах антиутопий своё «Я», самость, что подчёркивается путём деперсонализации героев. Описания внешности даются схематично, порой подчёркиваются лишь физические стороны персонажей, обходя индивидуаль-

ные и неповторимые черты, несущие на себе печать характера. Даже физические отличия стираются обществом намеренно. В романе О. Хаксли «О дивный новый мир» путём изначального вмешательства в механизм селекции создаются количественно одинаковые общности близнецов. Всеобщее настолько захватило личность, что порой требуется униформа, различие в одежде, чтобы отличить одного человека от другого. Порой эволюция стирает не только внешние различия, но и уничтожает имя, считавшееся ещё в древних культурах душой человека. В «Мы» Е.И. Замятина вместо имён используются номера, ещё раз подчёркивающие заменимость личности, механичность бытия человека. Теряет уникальность и мышление человека (один думает как все, а все – как один). Отличие мысли не может возникнуть в условиях тождественности бытия. Безликая, бездумная и послушная масса работает одинаково, причём труд их лишён качественных характеристик, он измерим лишь в количественных показателях. Творчество заменяется роботизированностью, а человеческая сущность функциональностью. Унифицирован и досуг героев, отсутствует время для диалога с собой и рефлексии. Всё время человека заполняется трудовой деятельностью или коллективным досугом, тишина пугает людей антиутопий, поскольку оставляет их наедине с собой.

В антиутопиях остро ставится проблема бессилия разума перед животным началом в человеке. В романах нового времени, как когда-то в произведениях Дж. Свифта, вновь возникает тревога по поводу того, что человек – это не разумное животное, а, скорее, животное, которое может быть разумным. «В наибольшей степени эти мотивы в сатирическом ключе рассматриваются, например, в произведениях Г. Уэллса, М. Булгакова («Собачье сердце») и в философском плане – в романах-притчах У. Голдинга, М. Булгакова («Багровый остров»), О. Хаксли, Дж. Барта, А. Кёстлера. Тот факт, что носителями звериного хищно-злобного начала являются дети (У. Голдинг), ставит под сомнение неизбежность поступательного развития истории» [10, с. 56]. Мнимая человечность исчезает в условиях «пограничности», в нестандартных условиях. В «Звероферме» Дж. Оруэлла трудно разобрать, где человек, а где зверь. Очутившись в резервации, героиня О. Хаксли превращается в полуживотное, движимое инстинктами.

У «человека массы» теряется уникальный смысл жизни, своё счастье, своя любовь. В таких условиях счастье становится синонимом «выполнения долга», а долг – это и есть счастье быть таким, как все, в едином общем. Душа и порожденные ею чувства стираются, специально уничтожаются (так, в романе О. Хаксли эмоции заглушаются со-

мой). Следует отметить отсутствие психологичности в антиутопиях, эмоциональность в мир «всеобщего спокойствия» может привести только человек из другого мира (из резервации у О. Хаксли или путешественник во времени у Г. Уэллса)

Тотальная унификация, царствование всеобщего в мире антиутопий порождает абсурдность ситуации. Доведённая до абсолюта одинаковость пугает и ужасает, но не жителей утопической массы, а сторонних наблюдателей. Пародийная всеобщность стабильна, но стабильна в своей неполноценности, в своей дисгармонии.

Отсутствие социальной гармонии, перекокс её функционирования в сторону «всеобщего» в ущерб индивидуальному порождает сопротивление. Антиутопии и представляют собой иллюстрацию такого сопротивления, хотя в большинстве случаев этот мятеж и заканчивается поражением. «Бунт одиночки» безуспешен, поскольку ничтожен по отношению к одурманенному обществу. Социум антиутопий рефлектирует на бунт специфически, выделяя специальное пространство для бунтарей, своеобразный хоспис для самостоятельно мыслящих. Это вполне приемлемо для Гельмгольца из романа О. Хаксли или Филипа Куорлза из «Контра-

пункта». Если же бунт исходит от постороннего наблюдателя, то единственная возможность для него обрести себя – это покинуть «счастливый» мир. При этом смерть героя как финал бунта лишена смысла, поскольку не приводит к изменению социума. Бесславна смерть Уинстона Смита, наконец-то любившего Большого Брата, Д-503, превращенного в рассудочную и довольную куклу, Дикаря в Дивном новом мире, воспринимаемая как новый и интересный «ощущательный фильм», эксперимент. «Редко-редко – это смерть, знаменующая собой победу, хотя бы краткую – такой смертью могут похвастать только V и Р.П. Макмерфи («Пролетая над гнездом кукушки» К. Кизи). Ещё реже пошедший на борьбу с диктатором выживает. Пожалуй, этой участи избежал пожарный Гай Монтег из «451 градус по Фаренгейту», но и его автор оставляет на перепутье, которое может закончиться чем угодно» [11].

Таким образом, «идеальное общество» антиутопии необходимо основано на стирании «человеческого» в человеке, на отрицании личности и свободы, индивидуальности и независимости. Подчиненный всеобщему закону человек принудительно счастлив, но это счастье является сформированным, становится своеобразным социальным инстинктом.

Список литературы:

1. Fromm E. Afterword to George Orwell's «1984». N.Y., 1962. P. 258-259.
2. Петрихин А.В. Антиутопия как способ осознания единства цели и различия путей её достижения гуманизмом и утопией // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т. 5. № 6. С. 136-141.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 32.
4. Чаликова В.А. Утопия и свобода. М., 1994. 184 с.
5. Фромм Э. Комментарии к «1984» / Пер. с англ. А. Богомольского. М., 2004. URL: http://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef.
6. Хаксли О. О дивный новый мир // О дивный новый мир. Через много лет: романы / Пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова; прим. Т. Шишкиной, В. Бабкова. СПб.: Амфора, 1999. С. 5-226.
7. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. 418 с.
8. Брэдбери Р. 451 градус по Фаренгейту: роман // О скитаньях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987. С. 7-152.
9. Константинов Д.В. Антиутопии: будущее без человека // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 42-48.
10. Шишкина С.Г. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра. Иваново, 2009. 232 с.
11. Айс де Трейн. Об утопии и антиутопии. URL: <http://dugward.ru/publ/s12.html>.

References (transliterated):

1. Fromm E. Afterword to George Orwell's «1984». N.Y., 1962. P. 258-259.
2. Petrikhin A.V. Antiutopiya kak sposob osoznaniya edinstva tseli i razlichiya putei ee dostizheniya gumanizmom i utopiei // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2009. T. 5. № 6. S. 136-141.
3. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass // Voprosy filosofii. 1989. № 3. S. 32.
4. Chalikova V.A. Utopiya i svoboda. M., 1994. 184 s.
5. Fromm E. Kommentarii k «1984» / Per. s angl. A. Bogomol'skogo. M., 2004. URL: http://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian/rnt_ef.
6. Khakslі O. O divnyi novyi mir // O divnyi novyi mir. Cherez mnogo let: romany / Per. s angl. O. Soroki, V. Babkova; prim. T. Shishkinoi, V. Babkova. SPb.: Amfora, 1999. S. 5-226.
7. Pigulevskii V.O. Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu. Rostov-na-Donu: Foliant, 2002. 418 s.
8. Bredberi R. 451 gradus po Farengaitu: roman // O skitan'yakh vechnykh i o Zemle. M.: Pravda, 1987. S. 7-152.
9. Konstantinov D.V. Antiutopii: budushchee bez cheloveka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 366. S. 42-48.
10. Shishkina S.G. Literaturnaya antiutopiya: k voprosu o granitsakh zhanra. Ivanovo, 2009. 232 s.
11. Ais de Trein. Ob utopii i antiutopii. URL: <http://dugward.ru/publ/s12.html>.